

Содержание

Введение	9
----------------	---

Часть I

Перемещенные лица в Европе

Глава 1. Перемещение	43
Глава 2. Австралийские методы отбора	80

Часть II

Русские в Китае

Глава 3. Маньчжурия	117
Глава 4. Шанхай	154
Глава 5. Отъезд	189

Часть III

Переселение в Австралию

Глава 6. Прибытие	229
Глава 7. Белые русские	263

Глава 8. Красные русские	300
Глава 9. ASIO и холодная война	336
Заключение	373
<i>Статистические замечания</i>	<i>397</i>
<i>Библиография</i>	<i>413</i>
<i>Сокращения, используемые в примечаниях</i>	<i>429</i>
<i>Примечания</i>	<i>431</i>
<i>Благодарности</i>	<i>521</i>
<i>Указатель</i>	<i>525</i>

Часть I
Перемещенные
лица в Европе

Глава 1

Перемещение

В 1940-е годы в моде было слово “перемещение”, а беженцев называли “перемещенными лицами”. Однако “перемещенные лица” в Европе, которых с 1947 года опекала Международная организация по делам беженцев (IRO), были беженцами особого рода. Большинство из них не покидали родную страну по своему желанию, их оттуда вывезли насильно. Обычно речь шла об “остарбайтерах” — людях, угнанных в качестве рабочей силы в Германию во время войны с оккупированных немцами территорий, или о солдатах, попавших в плен и потому тоже оказавшихся в момент окончания войны в Германии. Сам термин “перемещенные лица”, который Международная организация по делам беженцев подхватила у Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций (UNRRA), применялся исключительно к тем, чье перемещение произошло в период с 1939 по 1945 год и стало результатом “войны и фашизма”. Многими из этих перемещенных лиц, или ди-пи, были советские военнопленные и угнанные на работы жители России и Украины. UNRRA нашла решение проблемы, которую представляли все эти люди, в их возвращении на родину, но и оно обернулось новой проблемой, когда выяснилось, что основной костяк ди-пи в Германии и Австрии отказывается репатрироваться в Советский Союз¹. В 1947 году на сцену вышла IRO и предложила новый выход из положения: переселить

перемещенных лиц в страны за пределами Европы, в том числе в Австралию.

Однако, помимо русских и советских ди-пи, имелась и другая категория русских беженцев, с которыми требовалось что-то делать: эмигранты первой волны, покинувшие Россию после большевистской революции 1917 года. UNRRA была левацкой организацией, и ее сотрудники нередко смотрели на старых эмигрантов как на пособников нацизма и вообще на людей вне зоны их ответственности; как лица без подданства, не являвшиеся до начала войны советскими гражданами, они в любом случае не подлежали репатриации в СССР. Круг компетенции и обязанностей IRO был шире, охватывая не только перемещенных лиц, но и просто беженцев, и по мере того, как холодная война разворачивалась, на эмигрантов первой волны все чаще смотрели благожелательнее — скорее как на антикоммунистов, чем на пособников нацизма. В результате изменившегося подхода и им суждено было стать частью того потока русских мигрантов, что хлынул после войны в Австралию.

Эмигранты первой волны

Считается, что после большевистской революции 1917 года и через несколько лет, по окончании Гражданской войны между красными и белыми, бывшую Российскую империю покинули около миллиона человек, причем среди них подавляющее большинство составляли представители высших сословий и образованные люди разных профессий. Одни выехали из России на запад или на юго-запад через Турцию и осели в Европе, где и прожили межвоенные годы; другие устремились на восток и обосновались в Китае. Их часто называли белыми русскими, лицами без подданства или обладателями нансеновских паспортов (удостоверений личности, которые выдавала Нансеновская международная организация по делам беженцев, учрежденная Лигой Наций). Согласно приво-

димым Лигой Наций данным, в 1927 году больше всего русских эмигрантов проживали во Франции (400 тысяч человек), за ней с изрядным отставанием следовали Польша (90 тысяч) и Китай (76 тысяч); еще меньше русских осело в Латвии (30 тысяч), Чехословакии и Югославии (по 25 тысяч)². Германия, не фигурировавшая в данных Лиги Наций, приняла в 1922 году от 230 до 250 тысяч беженцев, но многие потом уехали из-за гиперинфляции и политической нестабильности в стране, так что к 1930 году их количество упало приблизительно до 90 тысяч³.

Париж обычно считался творческим и культурным центром русской эмиграции, а Берлин — центром политическим, причем он притягивал и крайне левых, и крайне правых. Прага стала академическим центром, а Белград (столица Югославии, где правил тогда король-русофил, а большинство населения составляли православные сербы) получил известность как город, где поселилось больше всего белогвардейцев, сражавшихся во время Гражданской войны против красных⁴. В 1920–1930-е годы другим крупным центром русской эмиграции с бурной культурной и политической жизнью был китайский Харбин, хотя европейские эмигранты и считали его захолустьем. Наиболее важными источниками послевоенной первой волны иммиграции в Австралию предстояло стать Белграду и Харбину с небольшой примесью переселенцев из Латвии, артистического Парижа и ультраправого (но не ультралевого или даже левоцентристского) Берлина.

В 1919–1922 годах, по мере того как в боях Гражданской войны белые терпели поражение за поражением, целые воинские соединения белых спешно эвакуировались из России через Константинополь на запад и через Владивосток в противоположном направлении. Один из руководителей Белого движения, Петр Врангель, эмигрировал в Югославию и создал там Русский общевоинский союз (РОВС) для объединения бывших белых офицеров и подготовки к будущей войне против Советского Союза⁵. Среди русских, достигших после Второй мировой войны берегов Австралии, слишком многие

заявили, что происходят из семей белогвардейцев-аристократов, так что можно поставить под сомнение эти утверждения. Будущие австралийские иммигранты Константин и Ирина Халафовы, Николай Коваленко, Александр Мокрый, Наталия Баич и Георгий Некрасов родились в семьях белых русских офицеров и росли в Югославии в 1920–1930-е годы⁶.

Многие в белоэмигрантской среде относили себя не только к русским, но и к казакам. Два эти множества не тождественны, однако могут пересекаться. Можно было услышать: “Мы прежде всего русские, а затем казаки”⁷, а в некоторых случаях люди причисляли себя к казачеству прежде всего из романтических побуждений, желая ощущать себя одновременно русскими и воинами. Казаки в царские времена жили преимущественно на окраинах империи, занимались сельским хозяйством и несли военную службу, объединялись по территориальному принципу в “войска” — например, Донское, Кубанское и Терское на юго-западе Российской империи — и составляли отдельное сословие, имевшее особые права и особые обязанности по отношению к государству. Несмотря на крепкие связи с империей и защитой ее границ в поздние годы империи, западные казаки обладали еще и особой тягой к “воле” — неотъемлемой составляющей истории самого этого сословия. Ведь, по преданию, казачество образовалось из беглых крепостных, именно они и основали первые казачьи станицы на окраинах империи, а в начале XX века некоторые даже выступали с идеей создания своего независимого государства (Казакии)⁸. В то время, когда случилась революция, многие жившие на юге казаки были преуспевающими земледельцами, и в ходе Гражданской войны они вступали в ожесточенные бои с большевиками и в подавляющем большинстве вставали на сторону белых.

И в Европе, и в Китае русские эмигранты оставались, как правило, изолированными группами и больше занимались собственными делами, чем взаимодействовали со средой, в которой оказались. В случае Харбина, который в 1920-е годы все еще был не китайским, а русским городом, это, по-

жалуй, даже естественно. Но и в Европе русские эмигранты держались особняком, не спеша ассимилироваться в приютивших их странах. Не хотели они принимать и чужое гражданство, даже когда такую возможность им предоставляли, как было в Югославии. Им хотелось самим оставаться русскими и передавать эту идентичность своим детям в надежде на то, что власть большевиков когда-нибудь рухнет, и тогда они сразу же вернутся на родину. Во всех крупных центрах эмиграции создавались русские гимназии, хотя к 1930-м годам их стало существенно меньше. Если говорить о высшем образовании, то в Праге, Берлине и Белграде в первые годы училось столько русских (около 8000 человек в начале 1920-х годов), что для них даже создали отдельные факультеты и программы обучения. К концу 1930-х, конечно, картина изменилась, и остались только два сугубо русских высших учебных заведения (Православный богословский институт и Русская консерватория в Париже), и большинство русских студентов, уже овладевших языком принявшей их страны, поступали в обычные университеты. К числу этих людей принадлежали Константин и Ирина Халафовы, постигавшие архитектуру в Белградском университете, Лидия Федоровская (позднее Храмцова) и Иван Николаюк, изучавшие в Варшавском университете археологию и инженерное дело соответственно⁹. Если бы не война, то, быть может, это поколение русских не сохранило бы такой обособленности, однако второе переселение, вызванное войной, лишь усилило ее.

Сложившаяся в довоенную пору русская диаспора, которую иногда называют Русским Зарубежьем, была прежде всего культурным явлением, и ее представители считали себя в первую очередь хранителями русской культуры и русского духа, которые новые правители России — временные, как хотелось тогда думать изгнанникам, — напрочь отвергали¹⁰. Однако русская эмигрантская среда, единая в этом самовосприятии, совершенно по-разному относилась к русской интеллигенции, традиционно критиковавшей русскую аристократию. Эмигранты из числа либералов и социалистов, осевших в Бер-

лине и Праге, как правило, считали себя продолжателями интеллигентской традиции и выпускали толстые журналы, где публицистика соседствовала с художественными произведениями таких авторов, как подававший надежды молодой Владимир Набоков (скрывавшийся под псевдонимом В. Сирин), который до 1937 года жил в Берлине и писал по-русски.

Между эмигрантскими артистическими кругами и русским Серебряным веком 1910-х годов просматривались явные связи. Модернисты, такие как композитор Игорь Стравинский и создатель Русского балета Сергей Дягилев, пользовались международным признанием и оказывали влияние на искусство других стран, особенно на авангардную культуру Германии в период Веймарской республики. Однако внутри самой эмигрантской среды модернизм как течение пользовался успехом лишь у меньшинства. Если говорить о русском литературном наследии, то среди эмигрантов все заметнее возрастала популярность Достоевского с его склонностью к мистицизму. В 1937 году вся русская диаспора в едином порыве отмечала годовщину гибели Пушкина; во французской концессии в Шанхае местные белые русские поставили ему памятник¹¹.

Однако ни в коем случае не следует полагать, что и читатели толстых журналов были такими же либералами, как их издатели: напротив, чаще всего они придерживались консервативных и монархических взглядов, типичных для эмигрантской среды в целом¹². По мнению среднестатистического эмигранта, именно русская интеллигенция, пораженная западничеством и радикализмом, помогла приблизить катастрофу русской революции, и потому вызывала довольно сильную неприязнь. Подобные настроения только окрепли после того, как во второй половине 1930-х годов большинство либералов, социалистов и художников-модернистов уехали из Европы в США — подальше от нацистского режима. Среди уехавших в Америку были Владимир Набоков (женатый на русской еврейке), Игорь Стравинский и все заметные социалисты из числа русских эмигрантов, в том числе не-

сколько евреев. Их отъезд также привел к сужению представления о том, кто такие русские и что такое русская культура. Более широкое определение, вытекавшее из самих реалий имперской жизни и распространявшееся на русскоязычных людей всех национальностей и вероисповеданий (“российское”), понемногу уступало место понятию более узкому, привязанному только к русской национальности и русскому православию. Крупнейший историк, специалист по русской интеллигенции и русскому зарубежью Марк Раев, выросший в эмиграции в семье еврея и лютеранки, сталкивался с парадоксом: такие люди, как он и его семья, сами ощущали себя частью русской интеллигенции и русской эмиграции, однако с ними далеко не обязательно согласилось бы большинство их собратьев по изгнанию¹³.

По крайней мере, до начала XX века большинство представителей русских образованных (и ориентировавшихся на Запад) сословий относились к православной вере довольно прохладно. Но после революции все в корне переменялось: русские эмигранты вдруг бросились в лоно православия с таким же пылом, с каким советское правительство ниспровергало и топтало его. Произошло нечто вроде духовного возрождения. Религиозные философы Николай Бердяев и Георгий Федотов — бывшие марксисты, которые обратились к христианству уже после революции и прожили почти все межвоенные годы в эмиграции во Франции, — переосмысливали русскую культуру на новый лад, ставя православие в самый ее центр. В 1930-е годы упрощенный вариант этого интеллектуального направления пользовался большим спросом в белоэмигрантских кругах Белграда и Риги, где далеко не такой интеллектуальный консервативный монархизм, главными ценностями которого были воинская доблесть и антикоммунизм, распространился куда шире, чем утонченный модернизм, не говоря уж об антибольшевистском социализме, изредка еще встречавшемся среди русских в Париже.

На более приземленном уровне православная церковь и ее священнослужители играли важную роль в повседневно-

ной жизни русских эмигрантов в Европе, в равной мере благословляя патриотические, военные, монархические и антикоммунистические объединения, освободительные армии и движение русских скаутов. Для большинства православных священников в эмиграции вышестоящей церковной организацией была Русская православная церковь заграницей (РПЦЗ), возникавшая после революции в противовес подчинявшемуся советской власти Московскому патриархату¹⁴. Традиционно священниками становились потомки семей духовенства (содловие занимало довольно низкую ступень на общественной лестнице), но в межвоенную пору в эмигрантской среде в священники подались некоторые отпрыски знатных родов. Одним из них был Константин Ессенский, воспитанный в эмиграции в Латвии после того, как его отца, дворянина, убили во время революционной смуты большевики; позднее он станет епископом Брисбенским.

Алексей Годяев — выпускник Мюнхенской Политехнической школы, где он обучался сыроделию, и оперный певец, которому предлагали работу в театре Ла Скала, — родился в России в семье священника, но сам принял духовный сан довольно поздно: ему было тогда уже около пятидесяти лет, он находился в Вене в качестве перемещенного лица, а всего через несколько месяцев уже отправлял первую службу по православному обряду в Бонегилле — лагере для мигрантов в Австралии¹⁵.

До революции скаутское движение не успело стать привычной частью воспитания русских детей, но в эмиграции оно пережило взлет — и в Европе, и в Китае, а потом и в Австралии. “Движение бойскаутов, как полагали, развивало в детях именно те качества, которых так не хватало России в годы великих испытаний войной и революцией”, — физическую силу, практическую сметку и патриотизм, одновременно не давая пасть духом и утратить ощущение своей русскости. Почти все дети русских эмигрантов в Европе вступали в скаутские отряды: Константин Халафов и его будущая жена Ирина подростками состояли в русском скаут-

ском движении в Белграде, а Леониду Артемьеву в Вильно приходилось довольствоваться членством в польском скаутском отряде¹⁶.

Притом что “большинство эмигрантов были на уровне эмоций монархистами”, как пишет Марк Раев, “политика волновала лишь незначительную часть интеллигенции и бывшего офицерства”¹⁷. Однако главной твердой позицией, которой придерживались и меньшинство, и большинство, оставался антикоммунизм, и в обстановке 1930-х непропорционально заметными и влиятельными сделались активисты правого крыла. Белые русские в Мюнхене оказали некоторое влияние на нацистское движение в пору его становления¹⁸, а по мере того как в 1930-е годы немцы начали надвигаться на Восточную Европу, они создали Управление по делам русских эмигрантов, куда вошли некоторые представители русской эмигрантской диаспоры, правые по своим взглядам. Владимир Янковский — белый русский, выросший в Эстонии, — по-видимому, завязал какие-то связи с этим управлением, когда работал журналистом в Белграде в конце 1930-х, в 1940 году он переехал в Берлин и уже устроился на штатную работу в само ведомство. В 1950-е годы, пережив некую трансформацию, он оказался в Мельбурне уже православным приходским священником. Среди русских эмигрантов в Европе было сравнительно мало таких, кто одобрял и принимал нацистскую идеологию — вероятно потому, что в сконструированной нацистами расовой иерархии славянам отводилось место в самом низу. Впрочем, отдельные поклонники нацистов среди русских правых все же находились. Пожалуй, самым известным из них был получивший образование в Санкт-Петербурге Михаил Спасовский. Впоследствии он перебрался в Австралию через Тегеран и Шанхай¹⁹.

Самой энергичной антикоммунистической силой правого крыла в русской эмиграции был Народно-трудовой союз российских солидаристов (НТС). Основанный в начале 1930-х, НТС быстро набирал популярность среди эмигрантской молодежи в Югославии, а затем его деятельность

распространилась на Париж, Прагу и далее. Сторонниками НТС становились поборники модернизации, которые разочаровались в демократии, тянулись к фашизму и ощущали усталость от устаревших взглядов своих родителей-эмигрантов. Под влиянием корпоративизма тогдашних итальянских и португальских фашистов они выработали идеологию “солидаризма”, который, по их представлениям, должен был заменить марксизм. Солидаристы мечтали о будущем органическом российском государстве, тесно связанном с русским православием; евреям и другим чуждым элементам места в нем не было. Однако главным, что привлекало молодежь к солидаристам, были их энергичный идеализм и обещание смелой конспиративной деятельности: в частности, они планировали нелегально пересекать границу Советского Союза и распространять там свои подрывные идеи. Некоторые молодые люди из русской эмигрантской среды встречали членов НТС в 1930-е годы или во время войны, но еще больше их было в лагерях перемещенных в лиц в Германии после войны. “Тимн «Бьет светлый час» звал на баррикады, — писала Ирина Халафова, вспоминая свою юность, прошедшую в Белграде в 1930-е годы. — Все вышеупомянутые события моей жизни происходили на фоне «нацмальчиков». Многим (хотя, наверное, не Халафовой) казалось, что это самое “нац” в “нацмальчиках” слишком уж отдаёт близостью к нацистам. Впрочем, НТС предпочитал довольно заносчиво считать себя независимой “третьей силой”, занимающей промежуточное положение между национал-социализмом и советским коммунизмом, и объявлял своей целью освобождение России²⁰.

Реваншистские устремления приводили некоторых русских, в том числе и лидеров НТС, в скользкий мир международной разведки. Родившийся в Австралии Чарльз (Дик) Эллис, с середины 1920-х работавший на британскую МИ6 и женатый на русской, завербовал нескольких белых русских в Париже, а некоторые из этих агентов оказались одновременно завербованы немецким абвером и/или советскими

спецслужбами. Одним из этих людей был князь Антон Туркул, работавший в 1920-е годы в Русском общевойсковом союзе и имевший обширные международные связи, в числе прочих со шпионской сетью Макса — Клатта абвера, с британской MI6 и, как выяснилось позже, с советской разведкой²¹. В довоенные годы готовность НТС проводить тайные операции побуждала его устанавливать контакты с французской, польской, японской, румынской и, вероятно, британской разведывательными службами²².